

Неукротимый и избранный,
 Подъ небомъ Англіи туманной,
 Твой дивный голосъ, о Байронъ! —
 Тогда, тогда въ садахъ Лицея,
 Какъ юный русскій соловей,
 Весенней жизнью пламенѣя,
 Расцвѣлъ нашъ дивный корифей;
 И гармоническіе звуки
 Его младенческія руки
 Умѣли рано исторгать.
 Шутя перомъ, играя съ лирой,
 Онъ Оссіановой порфирой
 Хотѣлъ, казалось, обладать;
 Онъ росъ, какъ пальма молодая
 На Иорданскихъ берегахъ,
 Главу высокую скрывая
 Въ ему знакомыхъ облакахъ;
 И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
 Онъ понялъ тайну вдохновеній,
 Возсталъ, какъ новая стихія,
 Могучъ, и славенъ, и великъ, —
 И изумленная Россія
 Узнала гордый свой языкъ.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ него внимало;
 Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
 Своей поэзіи нагой.
 Невинна и смѣла, таинственная дѣва
 Отважному ему позволила безъ гнѣва
 Себя обвить его рукою;
 И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
 По лаковымъ паркѣ блистательнаго круга,
 Въ дворцахъ царя, князей, вельможъ;
 Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ,
 И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
 Мѣняя истину на ложь;
 Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
 Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
 Была въ тоскѣ, и на пирахъ,
 И никогда, нигдѣ его не покидала;
 Какъ милое дитя, задумчиво играла
 Или волной его кудрей,

